

ФЕДОР КОНЕВ

ОЖИВШАЯ
НАДЕЖДА

Роман

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2024

УДК821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бел=Рус)6-44
К64

Серия основана в 2024 году

Конев, Ф. Е.

К64 Ожившая надежда : роман / Федор Конев. — Минск : Четыре четверти, 2024. — 232 с. — (Серия «Современная проза»).

ISBN 978-985-581-709-4.

Бывают чудеса, когда встречаются две половинки, предназначенные друг другу самой судьбой. Так встретились Арсений и Анна. Дружья и знакомые не сомневались в скорой свадьбе. Полной неожиданностью стало их расставание и поспешная женитьба Арсения на познакомившей их подруге Анны Римме. Что заставило его так поступить, не знал никто. Ходили слухи, что виной тому стал донос соперника, из-за которого любимая могла пострадать. И только через годы прояснились события этой истории.

Книга талантливого писателя Федора Конева — о судьбе женщины, из-за любви к которой один мужчина пошел на подлость, а другой — на величайшее самопожертвование.

**УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бел=Рус)6-44**

ISBN 978-985-581-709-4

© Конев Ф. Е., 2024
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2024

Дом стоял на окраине города, на немощеной улице, изрытой колесами редких в те годы машин. Калитка оказалась жестяным листом с ровными дырками. Это значило, что хозяин дома работал в штамповочном цехе.

В те времена, в шестидесятые годы прошлого столетия, можно было пройтись по улице, посмотреть на заборы и запросто, без ошибки определить, кто где работает. Воровал народец потихоньку. А что было делать? Где купить? Тогда супермаркетов не было. Все доставали по знакомству или тащили, что плохо лежит. Да ведь и пели-то как? «Все вокруг колхозное, все вокруг мое». А если «мое», чего не взять?

У той ажурной калитки Анна спросила подружку Римму, которая привела ее к этому дому:

- Как хоть зовут твоего?
- Арсений, — ответила Римма.
- Имя какое-то стариковское.
- Не стариковское, а старинное.
- Ни одного Арсения не встречала.
- Что ты еще встречала в жизни, малявка?

Римме уже стукнуло двадцать, была на два года старше. Этакую малую разницу в зрелости и не углядишь, но в молодом возрасте она заметна.

Калитка была не заперта, девушки вошли во двор. По выложенной булыжником дорожке прошли мимо глухой стены дома и оказались на низком крылечке под навесом — две ступеньки и площадка перед входной дверью. Слева от двери умещалась

широкая скамья весьма даже примечательная — с приподнятым и выгнутым изголовьем с одной стороны и резным подлокотником с другой, да еще с фигурной спинкой. Этому созданию мебельщика, бесспорно, в гостиной было место, но сохранилась только одна ножка, выточенная под львиную лапу, а три остальные заменили обычными деревяшками. По той причине, видать, и выставили инвалида на крыльцо, не пустив из уважения на растопку. Почему-то Анна обратила внимание на скамью и даже с удовольствием произнесла про себя ее подлинное название — канапе.

Прошли через сени. За дверью, обитой мешковиной, слышны были голоса. Римма потянула за ручку с большим усилием. Дверь не распахнулась, а подалась неспешно, при этом проскрипела так мелодично и многоголосо, будто устроена была на манер музыкальной шкатулки.

Прежде всего, Анну удивило пространство. В доме были разобраны все перегородки, поэтому получилась одна общая комната с большой русской печью. Потолок на толстых матицах казался низким, а окна — маленькими, и света явно не хватало. Оттого еще более таинственным показалось собрание людей за длинным столом. Ни один человек не посмотрел в сторону вошедших, а все продолжали о чем-то говорить, сразу и не понять было — о чем, перебивая друг друга и много смеясь.

Свободные места были, Римма подвела за руку Анну, усадила и сама села рядом. Она подобрала две чайные чашки из многообразия разнокалиберной посуды и наполнила вином.

Закуска состояла из кровяной колбасы и салата в тазу, наполовину опустошенном. Потом Анна сама участвовала в сотворении этого блюда под названием «силос». В таз нарезали капусту, лук, морковь, помидоры, яблоки — кто что принес из овощей и фруктов, заливали постным маслом, мешали большой деревянной ложкой и ставили посреди стола. Пили в основном дешевые молдавские вина, водкой не увлекались. За столом собирались не ради хмельного куража, а ради бесконечных бесед на всевозможные темы.

В тот свой первый приход Анна обратила внимание на упитанного молодого человека, с которым через стол стала кокетничать Римма. Должно быть, это и был ее Арсений, решила она. Его всего было много, этого человека. Любого мог своим раскатистым голосом заглушить, когда смеялся, оконные стекла звенели, стул под его грузным телом жалобно и опасно поскрипывал, а ел так жадно, словно век голодал.

Осушив стакан портвейна и смачно закусив, он бесцеремонно устался на Анну.

— Давай знакомиться, малышка. Кинорежиссер Колыханов.

К тому времени, как позже выяснилось, он снял документальный очерк в десять минут о камвольном комбинате, но имел кинематографическое образование, что и наполняло его пафосом.

— Платон, — назвался по имени будущий гений.

— Платон? А я думала — Арсений, — нарочито громко сказала Анна, повернувшись к подруге.

Ей сразу не понравился толстяк, у него глаза были сквозные. Точно! Как дырки, смотрит, а в них — пусто.

— Ух ты какая! — воскликнул Колыханов. — Кусачая!

Режиссер почему-то громко рассмеялся, хотя ему явно не было смешно.

— Не обижай, Платон, Анечку, — попросила Римма и поднялась. — Она хорошая.

— Ты куда? — вскочила Анна. — Я с тобой.

— Сбегаю в общежитие, наверное, он там, — Римма усадила за плечи Анну. — И мы придем за тобой.

Платон начал увлеченно рассказывать о своем новом замысле уже художественного фильма, который обещает стать шедевром в кинематографе. История была банальная и скучная, как показалось Анне, и она не стала слушать. Сидела и разглядывала гостей. Девушки безбожно курили и старательно изображали, как все им понятно, о чем говорит режиссер, а должно быть, только и думали о своем возможном участии в будущем шедевре. Анна нисколько не ошиблась, позже узнав, что они были театральными актрисами.

Ребята сидели довольно безучастно, попивая вино. Анна заметила, как один из них неотрывно смотрел на нее с преглупым выражением лица. Уж точно влюбился с первого взгляда. Анна в любовных делах была совершенно неопытной, еще и не целовалась ни разу, но стала замечать, что мужчины обращают на нее внимание, даже на улице ловила цепкие и откровенные взгляды. Римма в своей грубоватой манере как-то сказала:

— Что уж в тебе такого? Ну, хорошенькая. Так ведь и я не дурнушка. Сахарная, что ли? Медовая? Ох, Анька! Будут мужики липнуть к тебе как мухи. Пропадешь.

Нет, пропадать она не собиралась, за себя была готова постоять, а больше за то, чтобы в жизни все у нее сложилось так, как сама хотела. Она такого человека мечтала встретить, чтобы всю жизнь любить. И ей было жалко тех, кто заглядывался на нее. Вот и этот юноша пунцовел и неровно дышал совершенно зря. Подойти да сказать бы ему, чтобы не строил напрасных надежд. Уж она-то видит, что ничем он не похож на того, который грезится ей в мечтах и которого Анна обязательно встретит.

Скрипуче пропела дверь, и в дом вошли двое. Человек в летах, который оказался хозяином этих хором, и лет двадцати двух парень среднего роста, не по тогдашней моде коротко постриженный, спортивного склада. Анна заметила его изучающий взгляд исподлобья. Старший был выше ростом, но очень худющий, продолговатое лицо было костлявым, смуглую кожу стянуло упругими морщинами, как обручами. Из-под густых нависающих на глаза бровей старший окинул довольно доброжелательным взглядом компанию и остановился на Анне.

— Ого! — воскликнул он сипловатым прокуреным голосом. — У нас новенькая!

— Арсений! — перебил пожилого громогласный Колыханов. — Я тебя заждался. Разговор есть.

Теперь Анна более пристально присмотрелась к этому Арсению, которого искала Римма, и ей понравилось, что он поглядел

на нее с приятным вниманием, без дурного мужского интереса. И то понравилось, что к словам Платона отнесся спокойно и не двинулся к нему, хотя тот указал на стул рядом, а пошел в угол, где находилась кухня, зачерпнул воды медным ковшом из деревянной кадки и неспешно попил, почему-то напомним деревенского мужика, которых Анна видела в кино. Все они там пьют из ковша. Потом вытер тыльной стороной ладони губы и стал приглядываться, куда бы сесть.

— Ходи сюда! — капризно попросил Платон.

Но Арсений сел через стол напротив и оказался рядом с Анной на месте ушедшей Риммы.

— А тебя тут ждали, — сообщила Анна.

Она уже успела заметить, что тут все говорят только на «ты» и ведут себя раскованно. Он не стал спрашивать — кто, а потянулся назад и взял из рук подошедшего хозяина помытую посуду, при этом оказался близко лицом к Анне, чуть щекой не коснулся и спросил:

— Как зовут?

— Анна.

— Касьяныч, познакомься, нашу гостью зовут Анна.

И стал разливать по стаканам вино, плеснул и в чашку Анны.

— Садись, Касьяныч, — он поставил второй стакан рядом с Анной и представился: — Арсений Корнеев. А это — Касьяныч. Для тебя — дядь Коль.

Хозяин сел с другого бока.

— Ну, здравствуй, девонька! — сказал он, весело глядя из-под мохнатых бровей. — Откуда такая хорошая? Давай за тебя и выпьем!

Анна заметила, как изменилось застолье с появлением этих двух людей, что устроились бок о бок с ней. Прежде главенствовал Платон Колыханов, никому и слова не давал сказать, а тут притих, стушевался и при всей своей огромности стал незаметным, как серая мышь под веником. Вначале — еще по инерции, видимо, — позвал к себе Арсения, а как тот не обратил на его призыв

внимания, тут же и сник. Чего уж командовать, когда на тебя ноль внимания? Сиди да улыбайся глупо, будто так и надо.

Пожилой Касьяныч, которому сидящая вокруг молодежь в сыновья и дочки годилась, оказался уместным и нужным, все почему-то замечали, когда он что-то собирался сказать, и умолкали. А он бросит короткое замечание, чаще — пошутит, и всегда к месту. А то вопросик подкинет и замолкает, а вокруг разгорается спор, что пламя в куче хвороста от спички, он же слушает с тихой, как догорающая свеча, улыбкой. И видно по лицу, как любит и жалеет этих горячих, бесшабашных спорщиков. Потом уже Анна узнает, что Касьяныч сполна изведал прелести сталинских «курортов» где-то на солнечном Севере.

Ничего и никогда о себе он не рассказывал, но ходили слухи, что всю его семью в тридцать седьмом — был такой год — арестовали и разбросали по сталинским лагерям. Он один выжил и вернулся уже в хрущевские времена.

С приходом этих двух людей все повеселели, оживились, уже кто-то читал стихи Андрея Вознесенского, подвывая, а после него кто-то разразился целой лекцией о прекрасной прозе Ивана Бунина, радуясь тому, что его слушают, и с той же уверенностью своей востребованности длинноволосый и бледнолицый юноша взял гитару и стал петь под свой мотив собственные стихи. Так Анна услышала и увидела первого барда. Очень даже чувствительно пропели актрисы русский романс «Утро туманное».

Рядом сидел Арсений, ей почему-то было приятно его соседство, но даже мысли не мелькнуло, что этого человека, возможно, она и ждала встретить. Римма была лучшей и единственной ее подругой.

Приходили в этот дом не вино пить, а наговориться досыта. Василий Зыков больших речей не говорил, но умел того или иного оратора поддержать одобрительным словом или жестом, иногда просто кивком головы, при этом точно улавливая настроение застолья, потому считался вдумчивым и толковым парнем. На самом же деле он часто и не вникал в суть очередного спора, его привлекала

эта изменчивая, разношерстная компания только тем, что тут все были свои. Особенно устраивало Василия то, что здесь было легко знакомиться с девушками. Подошел, заговорил — и уже друзья. Кстати, и его приятель Виктор, с которым всегда приходили вместе, тоже по той причине навещался в этот дом. Ребята учились на одном курсе Технологического института.

В тот вечер, когда появилась Анна, Василию надоело пить «фитяску», и он со стулом перешел от общего стола к сколоченному из струганного теса книжному шкафу, что находился у глухой стены. Сооружение это было собрано без единого гвоздя, доски вкладывались в искусно распиленные для этого пазы, скрепляя друг друга, — вся хитрость.

Для работы штамповочного цеха Касьяныча книг было многовато, и подбор отличался вкусом. Тогда появилось много иностранной литературы, прежде запретной, но занимала она верхние полки, видимо, Касьяныч не больно увлекся ею, под руку выстроилась русская классика и мемуары, а нижняя полка была плотно забита толстыми журналами, среди которых первенствовал «Новый мир».

Для Василия с первого дня было много непонятного в этом Касьяныче. Привечал в своем доме всякого, кому взбрело в голову явиться, занимал деньги, кто ни попросит, а кому одолжил, тут же забывал, жил очень скромно, казалось, и внимания не обращал на то, что у него есть, а чего нет, будто материальная сторона жизни нисколько не занимала этого пожилого человека.

Чуть ли не каждый вечер в доме толпился какой-то народ, одни уходили, другие пополняли компанию, пили, ели, при этом неумолчно гомонили, как весенние галки. Как он этот шум-гам терпел? Был бы, к примеру, пьющим, и вопроса нет. Но Касьяныч к вину относился пренебрежительно, мог стаканчик и пропустить, но только из уважения к остальным, а все больше пил густой чай, похожий на чифирь, но не той кондиции, как сам говорит, а щадящей.

Какой интерес Касьяныч находил в бесконечных спорах молоко-сосов, непонятно. Сам он никогда не рассказывал, за что попал и что

выпало на его долю за колючей проволокой. Можно было только догадываться. Тогда уже вышла повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». В рукописях ходили воспоминания бывших «врагов народа». Ко всем своим гостям Касьяныч относился одинаково ровно, только одного приблизил. Это был Арсений Корнеев. Несмотря на разницу в возрасте, были они друзьями.

Считая себя практичным человеком, Василий пользы не находил от бесконечных и слишком страстных разговоров. Гости могли до утра взалхлеб говорить о писателях, о кино, живописи, читали стихи, пели, а он четко представлял будущее инженера с окладом в сто двадцать рублей в месяц и не думал, что его карьере нужны рассуждения о высоких материях. Конечно, гости были и начитаны, и головасты, однако завидные должности занимают как раз не самые умные. Самые умные чаще всего никому не нужны, особенно начальству. А Василий не мечтал оставаться рядовым инженером.

Конечно, никаких прямых и вещественных доказательств нет, что существует Амур с полным колчаном дурманных стрел. Но если не его меткий выстрел из какого-то темного угла дома, то другого причинного объяснения найти вообще невозможно тому, что случилось с бедным Васей, когда появилась Анна. У него даже больно кольнуло сердце. Отчего? От стрелы, конечно. Тут и гадать нечего.

Как позже выяснил Василий, та же самая оказия случилась и с приятелем. Виктор тоже потерял голову. С того вечера, видимо, все остальные мысли покинули его, и думал он только об этой девушке по имени Анна. И уже никого Виктор не замечал в доме Касьяныча, а ее одну только. А приметливый Василий заметил, как девушка морщилась от приставучего взгляда Виктора. И он не стал следовать примеру оглупевшего приятеля, а всячески показывал, что отношение к Анне у него чисто приятельское, как и ко всем остальным гостям.

Это сработало. Охотников проводить домой Анну Ванееву всегда хватало. Но она поднимала раскрытую ладонку, останавливая ретивых, и говорила: «Меня проводит Вася».

Об авторе

Конев Федор Егорович родом из Тюменской области. После службы в армии работал в местной газете. Окончил Всесоюзный Государственный институт кинематографии. С 1968 года — на киностудии «Беларусьфильм». Публикуется в журналах «Неман», «Арт Лад» (Сыктывкар), «Северяне» (Салехард). Автор книг «Снегопад», «Сполохи» (Минск); более двадцати сценариев фильмов.

Член Союза писателей Беларуси.